

Эней

Мифы Древнего Рима

Могущественная и прекрасная супруга громовержца Юпитера, богиня Юнона, издавна ненавидела троянцев за нанесенное ей царевичем Парисом несмываемое оскорбление: он присудил золотое яблоко не ей, владычице богов, а богине Венере. Кроме этой обиды, знала Юнона о предсказании, сулившем любимому ею городу Карфагену, богатому и славному своей доблестью, которому она сама покровительствовала, гибель от потомков троянцев, ускользнувших из разрушенной греками Трои. Да к тому же и троянец Эней, который стал во главе спасшихся жителей Трои, был сыном Венеры, посрамившей Юнону в споре богинь за титул прекраснейшей. Обуреваемая желанием отомстить за старые обиды и предотвратить грядущие, богиня Юнона ринулась к острову Эолии, родине туч и туманов. Там, в необъятной пещере, царь ветров Эол держал закованные в тяжкие цепи «междоусобные ветры и громopodobные бури». Она стала просить Эола, чтобы он выпустил на волю ветры и в страшной буре потопил корабли троянцев. Эол покорно выполнил просьбу великой богини. Он ударил трезубцем в стену огромной пещеры ветров, и все они с ревом и воем рванулись на морской простор, высоко вздымая волны, сталкивая их друг с другом, нагоняя отовсюду грозные тучи, кружа и разбрасывая корабли троянцев, как жалкие щепки. Эней, объятый ужасом, смотрел, как погибают его товарищи по оружию, как в клокочущей пучине исчезают один за другим троянские корабли. Изредка появлялись на поверхности волн тонущие пловцы, сорванные паруса, доски кораблей. И все это поглощалось морской бездной без остатка. Три корабля были выброшены огромной волной на отмель, и обломки весел, мачт и трупы троянцев затянуты песком, три — брошены на прибрежные скалы. Властитель морей Нептун, потревоженный бешеной бурей, разыгравшейся без его ведома, поднявшись на поверхность и увидев разметавшиеся по волнам корабли Энея, понял, что это козни Юноны. Мощным ударом трезубца он укротил бешенство волн и безумство ветров и с грозным окриком: «Вот я вас!» — велел им немедленно возвратиться в пещеру к Эолу. Сам же Нептун, промчавшись по волнам в колеснице, запряженной гиппокампам, успокоил взволнованную поверхность моря, своим трезубцем снял со скал засевшие в них корабли, остальные осторожно сдвинул с мели и повелел волнам пригнать троянские суда к берегу Африки. Здесь стоял великолепный город Карфаген, основанный царицей Дидоной, бежавшей из Сидона, где постигло ее тяжкое

горе — горячо любимого ею мужа Сихея коварно убил возле алтаря ее собственный брат. Троянцы во главе с Энеем высадились на берег, приветливо встреченные жителями Карфагена. Гостеприимно открыла для них двери своего великолепного дворца прекрасная Дидона. На устроенном в честь спасшихся троянцев пиру по просьбе Дидоны Эней начал рассказывать о захвате благодаря хитрости царя Одиссея Трои греками, разрушении древней твердыни троянцев и своем бегстве из охваченного пожаром города по повелению тени Гектора, явившейся Энею в вещем сне в ночь коварного нападения греков на спящих троянцев. Тень Гектора приказала Энею спасти от врагов троянских пенатов и вывести из города своего отца — престарелого Анхиса и маленького сына Аскания-Юла. Эней с жаром живописал взволнованной Дидоне страшную картину ночной битвы в городе, захваченном врагами. Эней проснулся от стонов и звона оружия, которые слышал сквозь сон. Взобравшись на крышу дома, он понял смысл губительного дара данайцев (греков), понял и страшный смысл своего сновидения. Охваченный яростью, Эней собрал вокруг себя молодых воинов и ринулся во главе их на отряд греков. Истребив врагов, троянцы надели доспехи греков и уничтожили многих, введенных в заблуждение этой хитростью. Однако пожар разгорался все сильнее, улицы были залиты кровью, трупы лежали на ступенях храмов, на порогах домов. Плач, крики о помощи, лязг оружия, вопли женщин и детей — что может быть ужаснее! Пламя пожарища, вырывавшее из ночной темноты кровавые сцены убийства и насилия, усугубляли ужас и растерянность оставшихся в живых. Эней, набросив львиную шкуру, посадил на плечи своего отца Анхиса, который не имел сил идти, взял за руку маленького Аскания. Вместе с женой Креузой и несколькими слугами он пробрался к воротам и вышел из погибающего города. Когда все они добрались до храма Цереры, стоявшего далеко на холме, Эней заметил, что Креузы нет среди них. В отчаянии, оставив в безопасном месте своих спутников, он вновь пробрался в Трою. Там Эней увидел страшную картину полного разгрома. И его собственное жилище, и дворец Приама были разграблены и подожжены греками. Женщины и дети смиренно стояли, ожидая своей участи, в храме Юноны были сложены сокровища, награбленные греками в святилищах и дворцах. Блуждая среди обгорелых развалин, Эней неустанно призывал Креузу, надеясь, что она откликнется. Он решил, что жена заблудилась в темноте или просто отстала в пути. Неожиданно перед Энеем предстала тень его супруги и тихо попросила не горевать о ней, поскольку ему предназначено богами царство на чужбине, а супруга его должна быть царского рода. Креуза, взглянув на Энея с нежностью, завещала ему заботу о маленьком сыне. Тщетно пытался Эней удержать ее в своих объятьях; она рассеялась в воздухе как легкий

туман. Эней, погруженный в скорбь, не заметил, как вышел за пределы города и добрался до условленного места, где ожидали его близкие. Вновь подняв на могучие плечи старого Анхиса и взяв за руку сына, Эней ушел в горы, где ему пришлось долго скрываться. К нему присоединились те из троянцев, кому удалось спастись из разрушенного города. Построив под руководством Энея корабли, они незамеченными отплыли от родных берегов, навсегда оставив отчизну. Долго блуждал по бурным просторам вечношумящего моря Эней со своими спутниками. Их корабли миновали многочисленные острова Эгейского моря и с попутным ветром пристали к берегам острова Делоса, где находилось знаменитое святилище Аполлона. Там Эней обратился с молениями к светлому богу, умоляя даровать несчастным троянцам новую родину, город и святилища, где они могли бы закончить свои тяжкие странствия. В ответ, потрясая храм и окружающие его горы, разверзлись завесы пред статуей Аполлона и голос бога провещал, что обретут троянцы ту землю, откуда ведут они свой род, и воздвигнут в ней город, где будут властителями Эней и его потомки. И городу этому покорятся впоследствии все народы и земли. Обрадованные предсказанием, троянцы стали гадать, какую же землю предназначил им Аполлон. Мудрый Анхис, зная, что основателем священной Трои считался критянин Тевкр, решил направить троянские корабли к берегам Крита. Но когда они прибыли на остров, то на Крите разразилась чума. Энею и его спутникам пришлось оттуда бежать. В смятении Анхис решил вновь вернуться на Делос и снова обратиться к Аполлону. Но Энею во сне открыли боги, что истинная прародина троянцев находится в Италии, которую греки называют Гесперией, и что именно туда следует ему направить свои корабли. И вот снова доверились троянцы морским волнам. Много чудес они видели, многих опасностей удалось им избежать. С трудом миновали они хищные пасти Сциллы и водовороты Харибды, пробрались мимо опасного берега, населенного злобными циклопами, избежали лютости чудовищных гарпий и, наконец, видели страшное извержение вулкана Этны, этой «матери ужасов». Бросив якорь у берегов Сицилии, чтобы дать отдых своим спутникам, Эней понес здесь страшную утрату — старец Анхис, его отец, не вынес всех тягот бесконечных странствий. Его страдания окончились. Эней похоронил его на сицилийской земле, а сам, стремясь попасть в Италию, был благодаря козням богини Юноны заброшен к берегам Африки. С волнением внимала царица Дидона рассказу Энея. И когда кончился пир и все разошлись, не могла она отвлечься мыслью от прекрасного мужественного чужеземца, с такой простотой и достоинством поведавшего ей о своих страданиях и злоключениях. В ушах звучал его голос, виделись ей высокое чело и ясный твердый взор знатного родом и украшенного доблестью гостя.

Никто из многочисленных вождей — ливийцев и нумидийцев, предлагавших ей вступить в брак после смерти мужа, не вызывал в ее душе таких чувств. Конечно, не могла знать Дидона, что эта внезапная страсть, охватившая ее, была внушена ей матерью Энея, богиней Венерой. Не в силах бороться с нахлынувшими на нее чувствами, Дидона решила признаться во всем своей сестре, которая стала убеждать царицу не противиться этой любви, не увядать в одиночестве, постепенно утрачивая молодость и красоту, а вступить в брак со своим избранником. Ведь не случайно боги пригнали корабли троянцев к Карфагену — видно, такова их воля. Терзаемая страстью и сомнениями, Дидона то водила с собой Энея по Карфагену, показывая ему все богатство города, его изобилие и могущество, то устраивала пышные игрища и охоты, то снова приглашала его на пиры и слушала его речи, не сводя с рассказчика пылающего взора. К сыну Энея, Асканию-Юлу, особенно привязалась Дидона потому, что он и осанкой, и лицом своим живо напоминал ей отца. Мальчик был смел, с удовольствием принимал участие в охоте и отважно скакал на горячем коне по следам поднятого зверя. Богиня Юнона, не желавшая, чтобы Эней основал новое царство в Италии, решила задержать его в Карфагене, обручив его с Дидоной. Юнона обратилась к Венере с предложением закончить вражду Карфагена с Италией путем соединения брачными узами Энея и Дидоны. Венера, поняв хитрость Юноны, согласилась с усмешкой, поскольку знала, что предсказание оракула неизбежно сбудется и Эней попадет в Италию. В очередной раз Дидона пригласила Энея на охоту. Оба они, блистая красотой и пышностью одежд, напоминали окружающим самих бессмертных богов. В самый разгар охоты началась страшная гроза. Дидона и Эней укрылись в пещере и здесь при покровительстве Юноны вступили в брак. Повсюду разнеслась молва, что прекрасная и неприступная царица Карфагена назвала себя супругой троянца Энея, что оба, забыв о делах своих царств, думают только о любовных утехах. Но недолгим было счастье Дидоны и Энея. По воле Юпитера Меркурий примчался в Африку и, застав Энея за достройкой карфагенской крепости, стал упрекать его за забвение указаний оракула, за роскошь и изнеженность жизни. Эней долго терзался, выбирая между любовью к Дидоне и чувством долга перед доверившими ему свою судьбу троянцами, терпеливо ожидавшими прибытия на обещанную им родину. И чувство долга победило. Он приказал тайно готовить корабли к отплытию, все еще не решаясь сообщить любящей Дидоне страшную весть о вечной разлуке. Но Дидона сама догадалась об этом, узнав о приготовлениях троянцев. Как безумная металась она по городу и, пылая от гнева, упрекала Энея в черной неблагодарности и бесчестии. Она предрекала ему страшную гибель на море и на суше, сожаления о покинутой им любимой, бесславный

конец. Много горьких слов излила Дидона на Энея. Спокойно, хотя и с душевной болью — ибо он любил великодушную и прекрасную царицу, — отвечал ей Эней. Не может он противиться воле богов, его родная земля там, за морем, и туда обязан он отвезти свой народ и его пенатов, иначе поистине окажется бесчестным. Если здесь, в Карфагене, — его любовь, то там, в Италии, — его отчизна. И выбора у него нет. Горе окончательно помutilo рассудок Дидоны. Она велела воздвигнуть огромный костер из гигантских стволов дуба и сосны и положить сверху оружие Энея, оставшееся у нее в спальне. Своими руками она украсила костер цветами, словно погребальное сооружение. Эней, боясь, что его решимость могут поколебать слезы и страдания любимой им царицы, решил провести ночь на своем корабле. И, едва он сомкнул веки, как явился ему Меркурий и предупредил, что царица задумала помешать отплытию троянских кораблей. Поэтому следует немедленно с зарей отчалить и выйти в открытое море. Эней перерубил канаты, дал команду гребцам и вывел корабли из гавани Карфагена. А Дидона, не сомкнувшая глаз, метавшаяся всю ночь на роскошном ложе, подошла к окну и в лучах утренней зари увидела паруса Энея далеко в море. В бессильной ярости стала она раздирать на себе одежды, рвала пряди золотистых волос, выкрикивала проклятия Энею, его роду и земле, к которой он стремился. Она призывала Юнону, Гекату, фурий в свидетельницы ее бесчестья и молила их безжалостно отомстить виновнику ее страданий. Приняв страшное решение, она поднялась на костер и вонзила себе в грудь меч Энея. Страшный вопль пронесся по дворцу, зарыдали служанки, завопили рабы, весь город был охвачен смятением. В этот миг Эней бросил последний взгляд на карфагенский берег. Он увидел, как осветились пламенем стены дворца Дидоны. Не знал он, что там произошло, но понял, что царица совершила нечто страшное, равное ее отвергнутой любви и поруганной гордости. И вновь корабли троянцев попали в страшную бурю, словно вняли боги проклятиям гневной Дидоны. Эней пристал к берегам Сицилии и, поскольку исполнилась годовщина со дня смерти его отца Анхиса, почтил его гробницу жертвоприношениями и воинскими играми. А затем, повинаясь воле богов, направился в город Кумы, где находился храм Аполлона с прорицавшею его волю Сивиллою. Эней направился в таинственную пещеру, где обитала Сивилла. Там она предсказала вождю троянцев тяжкий, но славный удел. Эней обратился к Сивилле с просьбой помочь ему спуститься в подземное царство и встретиться с умершим отцом Анхисом. Сивилла ответила Энею, что вход в подземное царство открыт для всех, но возвратиться оттуда живым для смертного невозможно. Прежде всего следовало умиловить грозных богов царства. Под руководством Сивиллы Эней добыл священную

золотую ветвь, которую следовало принести в дар владычице подземного царства Прозерпине. Затем по указанию древней прорицательницы он сотворил все необходимые обряды и совершил жертвоприношения. Послышались леденящие ужасом звуки — загудела земля, завывали зловещие псы богини Гекаты, и сама она стала отворять вход в подземное царство. Сивилла велела Энею обнажить меч, ибо для того пути, по которому он намеревался направиться, нужна твердая рука и крепкое сердце. Прокладывая себе дорогу среди всевозможных чудовищ — гидр, химер, горгон, Эней направлял свой верный меч против них, но Сивилла разъяснила ему, что это лишь призраки чудищ, бродящие в пустой оболочке. Так добрались они до того места, где подземная река Ахеронт — мутный от грязи поток — впадает в реку Коцит. Здесь увидел Эней бородатого, в грязных лохмотьях, перевозчика душ умерших — Харона, который принимал в свою ладью одних, а других оставлял на берегу, несмотря на их рыдания и мольбы. И вновь разъяснила Энею вещая Сивилла, что вся эта толпа — души непогребенных мертвецов, чьи кости на земле не получили вечного успокоения. Увидев золотую ветвь в руках Энея, Харон беспрекословно принял его и Сивиллу в свою лодку. Лежа в пещере на другом берегу, трехглавый пес Цербер, вздыбив висящих на его шеях змей, свирепым лаем стал оглашать берега мрачной реки. Но Сивилла бросила ему куски волшебных растений, смешанных с медом. С жадностью проглотили все три пасти адского пса это лакомство, и чудовище, сраженное сном, распростерлось на земле. Эней и Сивилла выскочили на берег. Тут уши Энея наполнились стенаниями невинно казненных и пронзительным плачем умерших младенцев. В миртовой роще увидел Эней тени тех, кто погиб от несчастной любви. И неожиданно лицом к лицу встретил он Дидону со свежей раной в груди. Проливая слезы, тщетно молил Эней простить ему невольную измену, к которой вынудили его боги. Молча отошла прекрасная тень, отвернувшись от Энея, ничто не дрогнуло в ее бледном лице. В отчаянье благородный Эней забыл о цели своего прихода. Но Сивилла твердо повела его мимо кованых дверей Тартара, из-за которых неслись стоны, душераздирающие вопли и звуки страшных ударов. Там в чудовищных муках терзались злодеи, виновные в тяжких преступлениях перед богами и людьми. Следуя за Сивиллой, Эней подошел к порогу дворца владыки подземного царства и совершил обряд приношения золотой ветви Прозерпине. И вот наконец перед ним открылась прекрасная страна с лавровыми рощами, зелеными лужайками. И звуки, наполнявшие ее, говорили о блаженстве, разлитом в самом воздухе, окутывавшем холмы и луга этой светлой земли. Щебетали птицы, журча, лились прозрачные ручьи, слышались волшебные песни и звучные струны лиры Орфея. На берегах

полноводного Эридана, среди благоухающих трав и цветов проводили свои дни души тех, кто оставил после себя на земле добрую славу, — те, кто пал в честном бою за отечество, кто творил добро и красоту, кто нес людям радость, — художники, поэты, музыканты. И вот в одной из зеленых лощин увидел Эней своего отца Анхиса. Старец встретил сына счастливой улыбкой и приветливыми речами, но как ни пытался Эней обнять нежно любимого отца, тот ускользал из его рук, подобно легкому сновидению. Только ласковый взгляд и мудрые речи были доступны для чувств Энея. Вдалеке увидел Эней медленно струящуюся реку Лету. На ее берегах теснились души героев, которые второй раз должны были появиться в мире живых. Но чтобы забыть все, что видели они в прежней жизни, пили они воду Леты. Среди них Анхис назвал Энею многих из его потомков, которые после того, как он обоснуется в Италии, воздвигнут вечный город на семи холмах и прославят себя в веках искусством «народами править, утверждать обычаи мира, покоренных щадить и сражать непокорных». На прощание Анхис дал Энею наставления — где ему высадиться в Италии, как бороться с враждебными племенами, чтобы достичь прочной победы. Так, беседуя, проводил он сына до дверей Элизиума, выточенных из слоновой кости. Эней, сопровождаемый Сивиллой, вышел в мир живых и смело двинулся навстречу ожидавшим его испытаниям. Его корабли быстро достигли устья реки Тибр и поднялись вверх по течению, достигнув области, называвшейся Лациум. Здесь Эней и его спутники высадились на берег, и троянцы, как люди, слишком долго скитавшиеся по морям и давно не видевшие настоящей пищи, захватили скот, пасшийся на берегах. Царь этой области Латин явился с вооруженными воинами, чтобы защитить свои владения. Но когда войска выстроились, готовые к битве, Латин вызвал вождя пришельцев для переговоров. И, выслушав повествование о злоключениях знатного гостя и его спутников, царь Латин предложил Энею свое гостеприимство, а затем, заключив дружеский союз между латинами и троянцами, пожелал скрепить этот союз браком Энея с царской дочерью Лавинией (так исполнилось предсказание несчастной Креузы, первой жены Энея). Но дочь царя Латина до появления Энея была просватана за вождя племени рутулов, могучего и смелого Турна. Этого брака хотела и мать Лавинии, царица Амата. Подстрекаемый богиней Юноной, разгневанной тем, что Эней вопреки ее воле достиг Италии, Турн поднял рутулов на борьбу с чужестранцами. Ему удалось привлечь на свою сторону и многих латинов. Царь Латин, разгневанный враждебным отношением к Энею, заперся в своем дворце. И вновь боги приняли самое непосредственное участие в войне, разгоревшейся в Лациуме. На стороне Турна была Юнона, Энея же поддерживала Венера. Долго шла война, погибли многие троянские и

италийские герои, в том числе и юный Паллант, выступавший в защиту Энея, сраженный могучим Турном. В решающем сражении перевес был на стороне воинов Энея. И когда к нему явились послы от латинов с просьбой выдать тела павших в битве для погребения, Эней, исполненный самых дружелюбных намерений, предложил прекратить всеобщее кровопролитие, решив спор его единоборством с Турном. Выслушав предложение Энея, переданное послами, Турн, видя слабость своих войск, согласился на поединок с Энеем. На следующий день, едва взошла заря, в долине собрались войска рутулов и латинов, с одной стороны, и троянцы с союзниками Энея — с другой. Латины и троянцы стали размечать место для поединка. Блистая на солнце оружием, воины окружили стеной поле битвы. На колеснице, запряженной четверкой коней, прибыл царь Латин, нарушивший свое затворничество ради столь важного события. И вот появился Турн в блестящем вооружении с двумя тяжелыми копьями в руках. Его белые кони стремительно принесли могучего воина к месту битвы. Еще блистательнее был Эней в новых доспехах, подаренных ему матерью Венерой, которые выковал по ее просьбе сам бог Вулкан. Не успели опомниться многочисленные зрители, как стремительно сблизились оба вождя и зазвенели мечи от мощных ударов, засверкали щиты, которыми умелые воины отражали вражеские выпады. Уже оба получили легкие раны. И вот Турн, не сомневаясь в своей мощи, высоко поднял свой огромный меч для решающего удара. Но сломался меч о несокрушимый щит, выкованный Вулканом, и Турн, оставшись безоружным, пустился бежать от неумолимо настигавшего его Энея. Пять раз обежали они все поле битвы, Турн в отчаянии схватил огромный камень и швырнул его в Энея. Но камень не долетел до вождя троянцев. Эней же, метко нацелив тяжелое копье, издали бросил его в Турна. И хоть прикрылся щитом Турн, но мощный бросок пробил чешуйчатый щит, и вонзилось копье в бедро вождя рутулов. Подогнулись колени могучего Турна, он склонился к земле. Раздался отчаянный вопль рутулов, потрясенных поражением Турна. Приблизившись к поверженному наземь врагу, Эней готов был пощадить его, но внезапно увидел на плече Турна блеснувшую знакомым узором перевязь, которую тот снял с убитого Палланта, друга Энея. Безудержный гнев охватил Энея, и, не вникая в мольбы о пощаде, он вонзил меч в грудь поверженного Турна. Устранив своего страшного соперника, Эней вступил в брак с Лавинией и основал новый город Лациу-ма — Лавиний. После смерти царя Латина Энею, ставшему во главе царства, пришлось отражать нападения могущественных этрусков, не желавших терпеть пришельцев, завоевавших славу доблестных и отважных воинов. Заключив союз с племенем рутулов, этруски решили покончить с дерзкими чужеземцами и их вождем. Но троянцы и латины,

вдохновляемые своим мужественным царем, одержали верх в решительной битве с врагами. Битва эта была последней для Энея и последним подвигом, совершенным им. Воины Энея считали его погибшим, но многие рассказывали, что он явился своим сподвижникам прекрасный, полный сил, в сияющих доспехах и сказал, что боги взяли его к себе, как равного им. Во всяком случае, народ стал почитать его под именем Юпитера. Сын Энея Асканий еще не достиг того возраста, в котором можно было юноше вручить всю полноту власти, и его именем управляла царица Лавиния, умная и дальновидная женщина. Ей удалось сохранить государство в целостности и процветании. Возмужав, Асканий оставил царицу управлять городом Лавинием, а сам со своими друзьями и сподвижниками переселился к подножию Альбанской горы, основав город, названный Альба-Лонгой, поскольку он протянулся вдоль горного хребта. Несмотря на свою юность, Асканий сумел добиться признания со стороны могущественных соседних племен, и граница между латинами и этрусками была обозначена по течению реки Тибр. Асканию наследовал его сын Сильвий, названный так потому, что он родился в лесу. Царство Сильвия переходило от одного потомка Энея к другому. Среди них были цари Тиберин (утонувший в Тибре и ставший богом этой реки) и Авентин (его именем был назван один из холмов, на которых впоследствии расположился великий город Рим). И, наконец, власть получил царь Нумитор, в правление которого произошли все события, связанные с историей основания города Рима.